

Joanna Orzechowska  
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej  
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

## ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПОМИНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ВОЙНОВСКОГО СИНОДИКА)

Key words: religious discourse, discourse of 'поминование', extralinguistic factors, Old Believers, Sinodik, discourse analysis

В современной лингвистике существует несколько подходов в описании религиозной коммуникации. Один из них связан с описанием религиозного дискурса. А.В. Бугаева так определяет его задачи: „Дискурс предполагает квалификацию жанров и типов речи, описание означающего и означаемого, исследование целей и желаний. Религиозный дискурс представляет собой тип институционального дискурса, то есть специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированного как по содержанию, так по форме. Цель религиозного дискурса – духовное общение, базирующееся на конкретных ценностях и нормах поведения”. Среди направлений исследований религиозной коммуникации А.В. Бугаева выделила литургический и исповедальный дискурс [Бугаева 2009].

Теория дискурса в современной лингвистике еще находится в стадии становления. Существуют разные точки зрения на вопрос что такое дискурс? Первая группа трактовок понимает дискурс как текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими факторами, ср. „сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста”<sup>1</sup>. Поэтому всякий текст – это знаковое информационное поле, вписанное в некоторый экстралингвистический контекст.

<sup>1</sup> Режим доступа: <<http://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс>>, дата доступа: 21.02.2009.

Вторая группа трактовок дискурса основывается на понятии речи или речевой деятельности. Самые популярные среди них – понимание дискурса как социализированной речи или социализированной речевой деятельности: „речь погруженная в жизнь” [Арутюнова 1990: 136–137], „речь, вписанная в коммуникативную ситуацию” [Кибрик, Паршин 2008], „речь, погруженная [...] в социальный контекст” [Усманова 2009], или же, наоборот – как речь участников диалога, погруженной в когнитивно-психологические процедуры („совокупность речемыслительных действий обоих коммуникантов”, согласно Т. Милевской [2010]).

Несмотря на разногласия, многие исследователи считают необходимым выделение новой отрасли лингвистики – дискурсивного анализа, вырабатывающей собственные методы для исследования дискурса [Самойлова 2008].

А.Д. Самойлова, на базе работ исследующих институциональный дискурс, прежде всего опираясь на статью В.И. Карасика Религиозный дискурс, строит свою гипотезу о содержании структуры дискурса. Классифицируя объекты изучения, в числе элементов дискурсивного анализа она выделяет:

- род дискурса (научный, рекламный, политический, религиозный, педагогический и т.д.),
- вид (или тип) дискурса (для религиозного рода дискурса: проповеднический, исповедальный, молитвенный),
- класс (разновидность) (для проповеднического вида – миссионерский и церковный).

Под дискурсом А.Д. Самойлова понимает текст, создаваемый говорящим (пишущим) для достижения определенной коммуникативной цели, реализующейся посредством применения соответствующих стратегий и тактик, которые диктуют выбор языковых средств с необходимым значением [Самойлова 2008].

Конститутивными (основополагающими) признаками (компонентами) институционального дискурса являются текст (лингвистический компонент) и экстралингвистический контекст.

Текст – это объединенная смысловой связью последовательность языковых знаков в их речевом воплощении, основными свойствами которой являются связность и цельность. Описать текст – это дать характеристику его языковых средств.

Экстралингвистический контекст содержит обстановку, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной действительности, знание которых помогает реципиенту правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Характерными признаками контекста, согласно А.Д. Самойловой, являются:

- ключевой концепт,
- цель,
- стратегия и тактика,
- задачи и микрозадачи общения,
- участники общения [Самойлова 2008].

К указанным выше признакам В.И. Карасик добавляет еще:

- хронотоп,
- прецедентные тексты [Карасик 1999].

Ключевым культурным концептом религиозного дискурса В.И. Карасик считает концепт 'вера'. Под концептом он понимает сложное мыслительное образование, в котором выделяются образный, понятийный и ценностный компоненты [Карасик 1999]. Культурные концепты – это „основные ячейки культуры в ментальном мире человека”, существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека. Концепты замещают значения в индивидуальном сознании, суммируя в себе „отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.”, и „образуют в своей совокупности концептосферы как индивидуальной личности, так и определенной группы и народа в целом” [Карасик 2000а].

Одной из важнейших составляющих контекста является цель дискурса, которая, несомненно, выступает необходимым условием коммуникации. Текст, в том числе религиозный текст, всегда создается говорящим (пишущим) не просто так, а ради чего-то. Цель дискурса – это выгодное говорящему (пишущему) изменение сознания и поведения слушающего (читающего), ради достижения которого адресант создает текст [Самойлова 2008].

Стратегией А.Д. Самойлова называет общий план реализации коммуникативной задачи адресанта, необходимый для максимально эффективного достижения цели общения и осуществляемый посредством активизации в тексте определенного набора тактик. Под тактикой – практическую реализацию микрозадачи адресанта посредством выбора языковых средств, значение которых помогает ее достигнуть.

Один из этапов достижения цели дискурса, планируемый адресантом, – это задача дискурса. Микрозадача – один из компонентов осуществления задачи дискурса.

Участники институционального дискурса подразделяются на „агентов” (тех, „кто играет активную роль в институциональном общении”) и „клиентов” (тех, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института) [Карасик 1999], которые могут быть также обозначены терминами „говорящий (пишущий)”, „адресант” и „слушающий (читающий)”, „адресат”, „реципиент” [Самойлова 2008].

На примере религиозного дискурса В.И. Карасик выделяет следующий (отвергнутый А.Д. Самойловой) конститутивный признак дискурса – хронотоп. Хронотоп указывает на „четкую очерченность” „прототипного места” общения (храм) и „фиксированность” времени (определенные часы религиозных ритуалов, таких как проповедь, исповедь, молитва (в ортодоксальных религиях) [Карасик 1999]. С такой позицией не согласна А.Д. Самойлова, которая замечает, что „возникновение проповеднического или исповедального

дискурса не зависит от времени и места (проповедь, к примеру, может происходить и на улице, и в помещении в любое время, когда это необходимо ее участникам)” [Самойлова 2008]. Нам кажется, что случаи, которые приводит в качестве примера А.Д. Самойлова, принадлежат к числу возможных, предположительных, но исключительных, так как для большинства религиозных текстов и обрядов установлен определенный порядок, более или менее четкие правила места и времени их чтения („Но как во всем, согласно наставлению святых отцов, должно наблюдать МЕРУ И ПРАВИЛЮ, – этим же началом меры и правила руководствуется Святая Церковь, устанавливая определенный чин и порядок молитв о живых и умерших, давая в руководство стройную, последовательную систему поминовения” – пишет Епископ Афанасий). Поэтому мы считаем целесообразным, включить хронотоп в характеристику поминального дискурса.

А.Д. Самойлова считает неправомерным признавать прецедентный текст конститутивным признаком дискурса, так как один текст может цитироваться в разных дискурсах, и в одном роде дискурса возможно обращение к разным прецедентным текстам [Самойлова 2008]. На наш взгляд, явление, описываемое А.Д. Самойловой, отражает процесс взаимодействия разных родов дискурса. Текст Священного Писания может цитироваться и в научном, и в медицинском, и в педагогическом дискурсе, но, несомненно, принадлежит к религиозному дискурсу. Таково его происхождение, и первичное употребление. Е.В. Бобырева выделяет внешнюю и внутреннюю прецедентность религиозного дискурса. Внутренняя прецедентность определяется как воспроизводимость хорошо известных первичных образцов – фрагментов Священного Писания в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса. Внешнюю прецедентность образуют прецедентные имена, высказывания, ситуации [Бобырева 2008: 165–166].

Учитывая указанные теоретические положения, мы имеем основания выделить в качестве вида религиозного дискурса – поминальный дискурс, представленный в жанре помянника (синодика). В данной работе предлагается описание поминального дискурса старообрядцев, который восстанавливается на основе старообрядческого синодика из коллекции Войновского монастыря (северо-восточная Польша). Войновский синодик (ниже: ВС) – это сборник молитв, в которых поминаются усопшие, издан в начале века в подпольной старообрядческой типографии Луки Гребнева в селе Дергачи Вятской губернии. Общая характеристика, орнаментика, система нумерации страниц, структура ВС разработана автором настоящей статьи в ряде публикаций [Orzechowska 2008a; Orzechowska 2008b; Orzechowska 2009a; Orzechowska 2009b; Orzechowska 2009b).

Обратимся к экстралингвистическим компонентам поминального дискурса.

Ценность поминального дискурса сконцентрирована в его ключевых концептах – ‘вера’ и ‘спасение’. „Ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры, таким, как, например, признание Бога, понимание греха

и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов” [Карасик 1999]. Исследования концепта ‘спасение’ показали, что он имеет сложную структуру, в которую входят объекты и субъекты спасения, источники спасения, инструменты спасения, символы и условия спасения. Важную роль играет отношение самого человека к спасению и его попытки достичь спасения [Лукманова, Карышева 2007: 161–167].

В Полном церковнославянском словаре Григория Дьяченко объяснено понятие поминовение усопших и даны догматические его основы:

**Поминовение Усопшихъ** – Сохраняя издревле преданный обычай, св. Восточная церковь предала благоговѣйнымъ и истиннымъ своимъ чадамъ священный долгъ творить поминовения, молитвы и приношения за православныхъ христіанъ. Св. Іоаннъ Златоустъ такъ описываетъ потребность и всю пользу поминовения: „Есть средства облегчить мученія души грѣшника, если захочемъ. Если мы будемъ творить частыя молитвы о немъ, если будемъ раздавать милостыню: то хотя бы онъ и недостоинъ былъ милостей Божіихъ, но нами Богъ умоленъ будетъ. Если Онъ ради Павла другихъ спасъ, если и ради другихъ пощадилъ многихъ; какъ же ради насъ Онъ не сдѣлаетъ того же? – Отъ имѣній его, отъ собственныхъ стяжаній, откуда восхошешь, – помоги. [...] Не о гробахъ и не о торжествахъ погребальныхъ должны пещись мы, но о душѣ усопшаго. [...] Повѣдай имя преставльшагося, попроси всѣхъ творить молитвы и прошенія: – это умистивить Бога; хотя это и не отъ него лично возносится, но другіе для него испрашиваютъ милости Божіей: таковъ законъ челоуѣколюбія Божія! [...] Вѣдая сіе, будемъ, сколько можемъ, подавать утѣшеніе душамъ отшедшихъ, вмѣсто слѣзъ, вмѣсто рыданій, вмѣсто надгробныхъ украшеній, милостынями, молитвами, приношеніями, дабы и они и мы получили обѣщанные блага, благодатію и челоуѣколюбіемъ Единороднаго Сына” [Дьяченко 1900: 454].

В настоящее время о необходимости поминовения усопших в церкви говорит епископ Афанасий Сахаров:

Святая Церковь, представляя нам очень много случаев к молитве о наших близких, дорогих усопших и к поминовению их по именам [...], напоминает нам, что кроме любимых наших сродников и друзей у нас есть еще множество братьев во Христе, которых мы, и не видавши их, должны любить, о которых, даже и не зная их имен, мы должны молиться. Так устанавливает она и старается поддержать такой порядок, при котором молитва о каждом православном христианине будет непрестанно возноситься даже и тогда, когда не останется в живых никого из лично знавших его, когда забудется на земле имя его, – молитва о нем будет непрестанно возноситься до скончания века. [...] Иначе [...] молитва о любимых сродниках наших и друзьях и о нас самих продолжалась бы лишь в течение нескольких лет или десятилетий после кончины, только до тех пор, пока живы и не позабыли еще усопших знавшие и любившие их, – а дальше некому уже было бы поминать их [Епископ Афанасий].

Из выше указанных экстралингвистических сведений вытекает, что целью поминального дискурса является облегчение мучений души усопшего грешника (очищение души), и получение усопшими и читающими молитву особых благ (поддержки от Бога).

Достичь цели можно посредством соответствующей стратегии. Стратегия поминального дискурса реализуется с помощью специальной молитвы, во время которой молящийся поминает усопших и произносит их имена (молитвенная стратегия). Стратегия оформляется в особом текстовом жанре – синодике (помяннике). Возникновение такого текста является свидетельством духовной потребности поминовения усопших. „Текст – свидетельство духовного опыта, нуждающегося в адекватном истолковании с целью достижения его понимания. В отношении религиозных текстов понимать означает открыть себя духовному содержанию текста и позволить ему оказать спасительное воздействие на душу человека” [Лукманова, Карышева 2007: 162].

Применительно к религиозному дискурсу, В.И. Карасик [1999] выделяет его участников: агентов-священнослужителей (в случае старообрядцев-беспоповцев – наставника), и клиентов-прихожан, в том числе монахов и монашек из старообрядческих монастырей. Специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, и т.д. и который выступает в качестве „суперагента”. Участником поминального дискурса старообрядцев, согласно ВС, может быть каждый член конфессиональной общины под руководством наставника в молельне (Съзъ книѣ нарицаемаз синодикъ, иже чтетъ на вселенскихъ помятихъ ибна литизъ – с. 88), или монахи и монашки в кельях и светские старообрядцы в своих домах (ибъ вбобо ввдомѣхъ ибвъ кѣлїзхъ – с. 88). При этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников (агентов и клиентов) религиозного общения по отношению к суперагенту.

В ВС четко определен хронотоп поминального дискурса. Как известно, в литургии усопших поминают в Родительские субботы (или Вселенские родительские субботы), т.е. дни особого всецерковного поминовения усопших. Родительскими установлены субботы перед мясопустной неделей и перед праздником Троицы. В ВС точно указано время чтения определенных фрагментов текста. В начале называется главный день чтения ВС – мясопустная суббота: сот ворѣтъ бытъ по {сопшихъ въ мзсопу стную субботу (с. 2). Кроме того, на полях имеются замечания, касающиеся фрагментов текста для чтения в каждую субботу:

– с. 28 – в рамке для маргиналий, указывается время чтения 2-ой вселенской статьи – по всъ субо&

– с. 48 – время чтения 4-ой вселенской статьи – сізъ ст аг ізъ & чт ет сѣ & ибпо всѣ & субботы;

– с. 63 – заглавие: Ст аг ізъ ѳ 7з. повсѣ субботы.; а также в рамке для маргиналий, время чтения 5-ой вселенской статьи – по всъ субо&

Для одной статьи обозначено особое время чтения: Ст аг іс вселенск аз маѣ аз , чт ет сѣ на всенедѣльныхъ литїзхъ (с. 66).

Явно прослеживается связь прецедентных текстов с текстом ВС. Внутренняя прецедентность обнаруживается в прямом использовании фрагментов

Священного писания – псалмов (страницы 2–4, псалом 90; страница 7–10, псалом 50).

Говоря о внешней прецедентности, Е.В. Бобырева выделяет разные классы прецедентных текстов:

- прецедентные имена,
- прецедентные высказывания,
- прецедентные ситуации [Бобырева 2008: 165–166].

Наиболее явно в ВС отмечаются прецедентные имена. Среди них в тексте ВС можно выделить разряд нарицательных имен: **англь, адль, бгъ, бёсь, бца, влкд, гдъ, діаволь, прфокъ**, и др., а также разряд имен собственных: **ѣ, хрс ось, адамъ, ева** и др.

Кроме прецедентных текстов, Е.В. Бобырева считает целесообразным выделить феномены в отношении к религиозному дискурсу:

- понятия религиозного дискурса,
- жесты, характерные для религиозного дискурса [Бобырева 2008: 166].

Основным понятием выделенного нами поминального дискурса является, несомненно, понятие ‘поминование усопших’, которому присущи особые цели, стратегии, хронотоп и прецедентные феномены.

Характерные жесты, сопровождающие молитвы поминования усопших – это поклоны: **Придиѣ поклонимъ, трижд(с. 2); Иб послѣ поклонѣи творимъ за и бѣвшихъ предъ бразомъ влѣи гда нашегъ ꙗ хрс аз ибпрѣс ъз ебѡмът ꙗе ебикѡ ти мощно, на кѣждо поклонѣ глѣи** (с. 37).

Жесты сопровождают особое поведение во время чтения молитвы: **Чт и2 помз ѣникъ сѣи поꙗду со и билѣиѣмъ** (с. 10). Так как данное поведение характерно именно для чтения определенного вида молитвы – поминования усопших, можно говорить о прецедентном феномене поведения поминального дискурса.

Несомненно, выделенные нами прецедентные феномены, являются дифференциальными признаками, отличающими поминальный дискурс от других видов религиозного дискурса и „позволяют глубже проникнуть в его структуру” [Бобырева 2008: 166].

Итак, на основе ВС и его экстралингвистических дифференциальных признаков нами был выделен вид религиозного дискурса – поминальный дискурс. Выявленные конститутивные признаки текста позволяют представить ВС в виде элемента материала религиозного дискурса, т.е. совокупности устных и письменных текстов, составляющих этот тип общения. Учет экстралингвистических факторов при описании и объяснении рассматриваемого материала даст возможность в результате дискурсивного анализа расширить горизонты его интерпретации [Самойлова 2008].

## Библиография

- Арутюнова Н.Д. (1990). Дискурс. В: Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. Москва, с. 136–137.
- Бобырева Е.В. (2008). Религиозный дискурс: ценности и жанры. Знание. Понимание. Умение 1, с. 162–167.
- Бугаева А.В. Религиозная коммуникация. Режим доступа: <[http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/591/11723/\\$print\\_text/?part=1](http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/591/11723/$print_text/?part=1)>, дата доступа: 12.01.2009.
- Дьяченко Г. (1900). Полный церковнославянский словарь. Режим доступа: <[www.slavdict.narod.ru](http://www.slavdict.narod.ru)>, дата доступа: 15.05.2006.
- Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. Режим доступа: <<http://www.klikovo.ru/db/book/msg/6707>>, дата доступа: 1.08.2007.
- Карасик В.И. (1999). Религиозный дискурс. В: Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Сборник научных трудов. Волгоград, с. 5–9. Режим доступа: <<http://axiology.vspu.ru/vik/vikart8.htm>>, дата доступа: 23.06.2008.
- Карасик В.И. (2000а). Этнокультурные типы институционального дискурса. В: Этнокультурная специфика речевой деятельности. Сборник обзоров. Москва, с. 37–64. Режим доступа: <<http://axiology.vspu.ru/vik/vikart9.htm>>, дата доступа: 23.06.2008.
- Карасик В.И. (2000б). О типах дискурса. В: Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. Волгоград, с. 5–20. Режим доступа: <<http://axiology.vspu.ru/vik/vikart10.htm>>, дата доступа: 23.06.2008.
- Кибрик А., Паршин П. Дискурс. В: Энциклопедия Кругосвет. Режим доступа: <<http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>>, дата доступа: 23.06.2008.
- Лукманова Е.З., Карышева А.В. (2007). Концепт «спасение» в русских и английских религиозных текстах (Особенности ядерных элементов и их языковое выражение). В: *Mixtura verborum 2007: сила простых вещей: сборник статей*. Самара, с. 161–167.
- Лукманова Е.З., Карышева А.В. (2008). Концепт «спасение» через призму языка и религии. В: *Mixtura verborum 2008: небытие в маске: сборник статей*. Самара, с. 170–180.
- Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции. Режим доступа: <<http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>>, дата доступа: 26.01.2010.
- Самойлова А.Д. (2008). Дискурс: К проблеме определения понятия. Режим доступа: <<http://www.rus-lang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material10/>>, дата доступа: 26.01.2009.
- Усманова А.Р. Дискурс, дискурсия. В: Энциклопедия социологии. Режим доступа: <<http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0327.htm&stpar1=3.43.1>>, дата доступа: 4.08.2009.
- Orzechowska J. (2008а). Страннообрядческий Войновский Синодик. В: Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов с международным участием. Киров, с. 203–210.
- Orzechowska J. (2008б). Страннообрядческий Войновский Синодик. Время и место издания. *Slavia Orientalis 2 (LVII)*, с. 203–210.
- Orzechowska J. (2009а). К вопросу о месте и времени издания богослужебных книг страннообрядческого монастыря в Войново. Система сигнатур и фолиации. *Przegląd Ruscystyczny 1(125)*, с. 5–12.
- Orzechowska J. (2009б). Структура Войновского Синодика. В: Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Киров, с. 217–226.
- Orzechowska J. (2009в). Орнаментика книг Войновского монастыря. К вопросу о времени и месте издания. *Acta Neophilologica XI*, с. 5–17.



### Summary

#### Extralinguistic Factors of the Discourse of 'поминовение' (Naming the Dead and Prayers for Them) as Based on Sinodik from Wojnowo

The observed distinctive features of the Old Believers' Sinodik from Wojnowo enable one to see it as part of religious discourse, i.e. the whole body of the spoken and written texts constituting this type of communication. On the basis of the text of Sinodik and its extralinguistic factors (concept, objective, strategy, participants of communication, precedented texts, precedented phenomena) a distinct type of religious discourse was deduced – the discourse of 'поминовение'. Including the extralinguistic features of the text in its analysis will allow of broadened and more precise interpretation of the analyzed text.